

ПОД ЧЁРНЫМ КРЫЛОМ ВОЙНЫ

Для моих родных война началась также, как и для всех людей Советского Союза, 22 июня 1941 года. Но уже несколько недель спустя после её объявления, для моих близких всё изменилось. По приказу свыше, они стали вдруг изменниками Родины и подлежали ссылке. Немцев России назвали врагами своей страны. Страны, где они родились и жили династиями вот уже двести лет.

Сейчас мало кто знает, что в 1918 году Декретом В.И.Ленина была образована «Республика немцев Поволжья» со столицей Саратов. Жили и учились, говоря на родном, немецком, языке. Русским языком владели слабо.

Молодые ребята редко женились на русских девушках. Попадая в дом жениха, они вынуждены были учить немецкий язык. И дома и на работе люди разговаривали только на своём родном языке.

И вот война! На сборы немцам Поволжья дали двое суток. Разрешили взять с собой по двадцать килограммов вещей на человека и продуктов на неделю. В назначенное время подали состав, сформированный из вагонов—телятников, погрузили людей и повезли в неизвестность.

Моя мама, Нина Иоганесовна Фишер, которой на тот момент было пять лет, с двумя тётями, Юлией и Эрной Фишер, оказались в Северном Казахстане на станции «Айдабул». Добирались туда целый месяц. Продукты закончились быстро. И переселенцам пришлось менять одежду и вещи на продукты питания на станциях.

Когда состав с людьми прибыл в Айдабул, то его жителям сказали, что привезли немцев. Услышав такое, местные казахи попрятались по домам. Но когда увидели, что из вагонов вышли в основном женщины и дети, то поняли, что это не те немцы, которые напали на страну, а такие же несчастные люди, как и все в России; стали приглашать к себе на жительство.

Коренное население жило с переселенцами дружно. Сосланных жалели. Помогали, кто, чем мог. Делились продуктами.

Моя мама запомнила на всю жизнь один эпизод. Её тётушки, первое время никак не могли устроиться на работу. Было очень трудно с продуктами. Соседка принесла большую головку чеснока. И пока одна из тётушек пошла занять кусочек хлеба, которого не было уже пять дней, моя мама подошла к столу, взяла эту головку чеснока и моментально съела её вместе с шелухой, и даже вкуса не почувствовала. Вот, что делал с людьми голод!

Со временем тётушки получили работу. Одна работала на зернохранилище при спиртовом заводе, а другая на волах возила дрова из степи. Их заготавливали из саксаула. Нагруженные арбы еле—еле тащились на станцию, а волки шли следом. И только когда впереди появлялись огоньки домов, они отставали.

Остальные мои родственники, с другим составом, попали в Томск и Томскую область. Вспоминая о прошлой жизни в Поволжье, тётушки говорили, что о Сибири знали только из учебника географии, обучаясь в гимназии. Они даже предположить не могли, что через какое-то время увидят её во всей сибирской красе.

Очень поразили трескучие зимние морозы. Тёплой одежды они не имели. Мёрзли первое время ужасно. Мужчин с пятнадцати до шестидесяти лет, призвали в «Трудовую армию». Их отправляли на лесоповал, шахты и рудники, где они были обязаны находиться до конца войны. Не все

выдерживали условий адского труда. Отпускали из трудармии только безнадежно больных людей. Многие стали инвалидами, многие умерли.

Некоторых родственников увезли на север Томской области, в Александровский район. Туда попала семья Марты Греф, у которой на тот момент было семеро детей. Там переселенцы работали в рыболовецкой бригаде. Невыносимый холод, мокрые руки на ледяном ветру— доходило до того, что в минуты отчаяния, чтобы не отморозить руки, их отогревали собственной мочой.

После окончания войны родным разрешили съехаться. И моя мама с тётушками из Казахстана приехали в Томск осенью 1945 года. Жить пришлось в деревне Чёрная речка в землянке. Через некоторое время переехали в Томск, снимали жильё.

На работу немцев—переселенцев брали неохотно. Русский язык знали плохо. Все немцы должны были ежемесячно отмечаться в комендатуре. Это унижение продолжалось до 1955 года. Но и после этого немцы не имели право возвращаться в свои родные места в Поволжье. Запрет сняли только в 1972 году. Однако возвращаться захотели не все. Многие имели работу, обзавелись семьями, пустили в Сибири свои корни.

Некоторые, побывав на своей родине, не узнали родных мест. В их домах жили чужие люди. Никаких вещей, оставленных во время эвакуации в домах, не сохранилось. Остались в памяти только яблоневые сады да бахчи на Волге. На этих рассказах моих родных я и выросла.

В 1974 году одна из моих тётушек, Элла Фишер, решила поехать на встречу с родными местами. Все годы её тянуло туда. Поехала. Вернулась обратно в расстроенных чувствах. К этому времени в тех местах красовалось Волжское водохранилище. Изменилось не только место, но и привычный климат. С тали дуть бесконечные ветра. А на бахчах не стали расти арбузы. Не стало изумительных яблоневых садов. Родного дома не осталось. Осталась только купчая на дом, которая хранится у родственницы, Алиды Фишер-Мюллер, постоянно проживающей в Германии. Но это уже другая история.